

Надо ли страшиться ядерной войны?

9 февраля 1954 года медалями «За отвагу» наградили оставшихся в живых моряков крейсера «Варяг». Пятьдесят лет тому назад, в 1904 году, «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» у входа в порт Чемульпо (потом его переименуют в Ичхон, в 1951 году здесь высадятся американцы, чтобы ударить во фланг наступающим северокорейским войскам)

до последнего отбивались от японской крейсерной эскадры, препятствовавшей их уходу из корейских вод.

Все прошедшие годы о них старались не вспоминать; с одной стороны, герои-моряки, с другой – матросы и офицеры царского флота. Вот и сейчас пришли к отцу советоваться: награждать или отметить юбилей келейно. Отец не сомневался ни минуты – конечно, наградить, и не просто наградить, но и вручать медали в Москве.

После награждения отец пригласил ветеранов крейсера к себе, поздравил их, сфотографировался на память. Отцу очень хотелось взглянуть на этих людей, героев его детства. В 1904 году, когда они сражались с японцами, ему шел десятый год. О подвиге «Варяга» тогда трубили во всех газетах, а тут, через пятьдесят лет, представилась возможность увидеть их воочию.

Что-то менялось, а что-то катилось по накатанной дорожке. 5 марта, в годовщину смерти «отца народов», все газеты писали о Сталине – продолжателе дела Ленина.

В стране завершались приготовления к намеченным на март выборам в Верховный Совет СССР. Назначенные кандидатами в депутаты уже выступили перед своими избирателями. Последними выступали самые главные кандидаты – секретари ЦК, а за ними и члены Президиума. 5 марта отец выступил перед избирателями Калининского избирательного округа Москвы. Избирательные округа закреплялись за именитыми кандидатами «навечно», и выступали они перед «своими» избирателями каждые выборы.

12 марта перед избирателями Ленинградского избирательного округа в Москве выступил Маленков. Его речь вряд ли заслуживает упоминания, она мало отличалась от многократно говоренного ранее, если бы не пассаж о возможности гибели человечества в случае возникновения ядерной войны. Об этих словах Маленкова за последние десятилетия столько говорено, что приведу их полностью.

«Неправда, что человечеству остается выбрать лишь между двумя возможностями: либо новая мировая бойня, либо так называемая холодная война, – говорил Георгий Максимилианович. – Народы кровно заинтересованы в прочном укреплении мира. Советское правительство стоит за дальнейшее ослабление международной напряженности, за прочный и длительный мир, решительно выступает против политики холодной войны, ибо эта политика есть политика подготовки новой мировой бойни, которая при *современных средствах ведения войны означает гибель мировой цивилизации*.

Наша позиция ясна. Любой спорный вопрос в современных международных взаимоотношениях, как бы он ни был труден, должен решаться мирным путем».

Вряд ли Маленков предполагал, какую бурю вызовут его слова о гибели мировой цивилизации. Если бы предполагал, то несомненно посоветовался бы с товарищами по Президиуму ЦК, учел их мнение и ничего такого не сказал бы. Не тот человек Георгий Максимилианович, чтобы рисковать карьерой ради сохранения человечества на Земле. Скорее всего, это просто удачно найденный им или его помощниками ораторский прием: империалистов, ведущих мир к ядерной войне, тогда клеймили все, и Маленков тоже обвинил именно их в возможной гибели цивилизации.

Большинство читателей газет «крамольные» слова Маленкова просто не заметили. Профессионалы-идеологи тут же отметили неточность – следовало сказать, что погибнет не мировая цивилизация, а мировая система империализма, но открыто возражать не стали, слова-то произнесены не рядовым кандидатом в депутаты, а Маленковым.

Наверное, все бы и прошло, не оставив следа, но на беду Георгия Максимилиановича его «ошибку» отметил Молотов, попенял ему, что не следует, не посоветовавшись, менять выработанную еще Сталиным формулу. Маленков спорить не стал, объяснил, что о смене нашей позиции он и не помышлял. Молотов удовлетворился и не стал раздувать скандал. А вот кто возмутился по-настоящему, так это маршал Жуков.

Назначенный первым заместителем Булганина, а фактически возглавивший Министерство обороны, Георгий Константинович всерьез взялся за подготовку армии к современной, в его понимании, ядерной войне. Вся ответственность легла на него, и он не мог допустить, чтобы армия встретила новую войну так же, как и немецкое вторжение 22 июня 1941 года.

Прежде всего, войска следовало приучить к новому атомному оружию, заставить не бояться его. Сделать это можно только маневрами в условиях, максимально приближенных к боевым. Жуков задумал провести маневры с реальным взрывом атомной бомбы. Заявление Маленкова о гибели цивилизации шло вразрез со всем его планами, пагубно влияло на моральное состояние Вооруженных сил.

Жуков не стал выступать открыто, он всего лишь заместитель министра обороны, но нажаловался отцу. Отец согласился с Жуковым – такие слова не пойдут на пользу. Сам он вопросом еще в полной мере не владел, видел кинофильмы о страшной разрушительной силе атомной, затем и водородной бомбы, читал докладные военных. О возможности гибели всего живого на Земле в них не упоминалось.

Отец позвонил своему давнему знакомому, Вячеславу Александровичу Малышеву, бывшему наркому танковой, а затем судостроительной промышленности, ныне он занимался атомными делами. Малышев не подтвердил, но и не опроверг слова Маленкова, сказал, что ядерная война, конечно, разрушительна, но говорить о гибели цивилизации он бы поостерегся. В заключение Вячеслав Александрович предложил прислать отцу проект статьи академика Курчатова и других атомщиков, в которой они обсуждают как раз эту проблематику. Статью хотели опубликовать, но передумали, уж очень мрачная рисуется в ней картина.

Статью-записку Курчатова отец получил 4 апреля 1954 года и внимательно ее прочитал. Она произвела на него сильное впечатление, он даже пригласил к себе Курчатова, расспрашивал, не приукрасили ли они последствия ядерной войны с целью повлиять на западное общественное мнение. Ведь статья писалась в расчете на него. Курчатов твердо заявил: «Не приукрасили, наоборот кое-что смягчили. Они и сами пока не понимают всех отдаленных последствий ядерной войны, – одно дело взрыв, другое – десяток взрывов, а что случится, если атомные бомбы взрывать сотнями, сейчас не скажет никто».

Именно с этого разговора с Курчатовым началось осознание отцом пагубности ядерного оружия. Но только началось. Потребуется еще несколько лет, пока он не придет к убеждению о неприменимости ядерного оружия, о его исключительно политически-дипломатической сущности. Для этого отцу потребуется детально разобраться с военными делами.

Когда в 1954 году я, студент только что перешедший на второй курс, прочитал заявление Маленкова, как всегда полез с вопросами к отцу, он отвечал мне необычно невнятно: с одной стороны, мы победим в любой войне, даже ядерной, с другой – атомное оружие очень опасно, надо добиваться его запрета, но это дело будущего.

Пока же отец посоветовал Маленкову учесть мнение Жукова. И он учел. 23 апреля 1954 года на первой сессии вновь избранного Верховного Совета Георгий Максимилианович уточнил: «Мы готовы дать отпор любому агрессору. Если агрессивные круги, уповая на атомное оружие, решились бы испытать силу и мощь Советского Союза, то можно не сомневаться, агрессор будет остановлен тем же оружием, а мировая капиталистическая система, в результате развязанной ею войны, распадется».

26 апреля, тоже выступая на сессии Верховного Совета, отец подтвердил слова Маленкова.

Маршал Жуков продолжил подготовку Вооруженных сил к современной войне, ознаменовал ее маневрами на Тоцком полигоне Южно-Уральского военного округа, в Оренбургской (Чкаловской) области. 14 сентября 1954 года, в 9 часов 34 минуты утра, там на высоте

350 метров над землей взорвали сорокакилотонную бомбу. Их запас тогда можно было по пальцам перечесть. В 1954 году в Советском Союзе накопили 150 ядерных зарядов всех видов, совсем ничего по сравнению с 2063 зарядами, имевшимися в США. Но Жуков считал «расточительность» оправданной: «Тяжело в ученье – легко в бою». Пехота, танки, артиллерия, глотая радиацию, «пошли в наступление» через еще не остывший эпицентр настоящего, не условного, ядерного взрыва. Военные тогда легкомысленно относились к последствиям ядерной атаки, как наши, так и американцы. В конце концов атомная бомба всего-навсего бомба, только очень мощная, надо учить подчиненных не бояться ее. Иначе победы не достигнешь. На войне как на войне.

В заключение отмечу, что мы и сейчас не знаем всех отдаленных последствий ядерного облучения, а в 1954 году о них только догадывались, и догадывались далеко не все.

В 1958 году, когда я уже работал в ракетном конструкторском бюро, на полигоне в Капустинском Яру решили испытать зенитную ракету с ядерным зарядом. Испытывали ее не мы, а соседи, но о грядущем «представлении» знали все, ожидали его с нетерпением и без малейших опасений. В день подрыва ядерной боеголовки нам предстояло улетать в Москву, и всех волновало, не пропустим ли мы редкое зрелище. Нам «повезло», один из начальников по пути на аэродром попал в автомобильную аварию, вылет задержался. Увидели мы, правда, мало, точнее, не увидели ничего, над аэродромом стояла низкая облачность. В какой-то момент над нами полыхнуло, затем преобильно ударило взрывом по ушам, и все закончилось. Из нашей компании только один, заведующий группой динамики полета, сорокапятилетний «старик» Александр Борисович Липшиц проявил благоразумие, стремясь поскорее улететь с полигона от греха подальше. Как мы тогда над ним потешались!

Ладно военные или мы, мальчишки-ракетчики, но сами ученые-ядерщики, они-то уж, кажется, знали все, но, бравирюя, без всякой защиты раскатывали на своих газиках по остекленевшей от адской жары почве в самом эпицентре ядерного взрыва, произведенного всего несколько часов тому назад. Некоторые из них поплатились за свое удайство жизнью, умерли совсем молодыми. Министр Малышев не дожил и до 55 лет, его похоронили в 1957 году. Правда, другие дожили до глубокой старости, в частности конструктор множества ядерных зарядов и неизменный участник их испытаний академик Юлий Харитон. Он умер в 1996 году девяноста трех лет от роду.